

ИСТОРИЧЕСКИЕ ХРОНИКИ

Гай Светоний Транквилл

Жизнь двенадцати цезарей

ФТМ

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
Т65

Перевод с древнеримского М.Л. Гаспарова

Транквилл, Г. С.

Т65 Жизнь двенадцати цезарей / Г. С. Транквилл; [пер. с древнерим. М.Л. Гаспаров]. – М. : Т8 RUGRAM / Агентство ФТМ, 2019. – 532 с. – (Исторические хроники).

ISBN 978-5-521-74794-8

Основной труд древнеримского историка Светония «Жизнь двенадцати цезарей» представляет собой сборник биографий Юлия Цезаря и одиннадцати римских принцепсов от Августа до Домициана. По оценке М. Л. Гаспарова в своём труде Светоний только оценивает события и стремится чётко отделить дурное от хорошего, присущее римским избранникам. Насколько верно угадал Светоний истинные намерения и поступки властителей Рима, тем не менее его труд открывает читателю жизнь римских императоров с бытовой и интимной сторон, а также рассказывает о самых известных исторических фактах и изречениях – «Ave, Caesar» в честь Божественного Клавдия или «деньги не пахнут» Веспасиана.

litagent.ru

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

УДК 82/821-821.161.1
ББК 84(0)
BIC FC
BISAC FIC014000

© Т8 RUGRAM, 2019
© ООО «Агентство ФТМ, Лтд.», 2019
ISBN 978-5-521-74794-8 © Перевод. М.Л. Гаспаров, наследники, 2019

ПРЕДИСЛОВИЕ

Содержание этой книги — вереница римских императорских имен, знакомых, хотя бы понаслышке, даже тем читателям, которые никогда не занимались древней историей. Юлий Цезарь, который на берегу Рубикона говорит «Жребий брошен!» — и начинает гражданскую войну; а потом, падая под кинжалами заговорщиков, произносит: «И ты, Брут!» Август, который с гордостью заявляет, что принял Рим кирпичным, а потомкам оставляет мраморным. Дряхлый Тиберий, в своем уединении на Капри злорадно любующийся, как губят друг друга доносами его враги-сенаторы. Калигула, собирающийся назначить сенатором своего коня. Клавдий с его императрицей Мессалиной, имя которой стало синонимом неистового разврата. Нерон, устроивший пожар Рима, чтобы вдохновиться на поэму о пожаре Трои. Веспасиан с его циническими словами «деньги не пахнут». И благородный Тит, который, если не сделал задень ни одного доброго дела, говорит: «Друзья, я потерял день».

Все эти фигуры, приукрашенные преданиями и фантазиями, давно превратились из исторических образов в художественные. И это во многом благодаря книге Светония «Жизнь двенадцати цезарей». Это не значит, что Светоний был бульварным писателем, расписывавшим «тайны римского двора» — интриги, отравления, заговоры и самоубийства. Он

был серьезным историком, и современные ученые благодарны ему за множество ценных сведений. Но он сосредоточивал внимание не на историческом процессе, а на том лице, которое казалось ему центром исторического процесса, — и это было интересно не только для ученых. Поэтому у читателей всех веков Светоний неизменно оставался одним из самых читаемых античных авторов. Не ослабело внимание к нему и в наши дни.

Однако сам Светоний писал не для всех веков и не для наших дней, а для своих римских современников, которые знали римскую жизнь и понимали многое с полуслова. Поэтому, раскрывая «Жизнь двенадцати цезарей» Светония, нынешний читатель, чтобы не запутаться в пестрой массе имен и фактов, должен хотя бы немного представить себе и тот исторический фон, на котором разворачиваются придворные драмы, описанные Светонием.

Действие этой книги охватывает почти два столетия — с 80-х гг. до н. э. до 96 г. н. э. В начале этого времени Рим — республика, а через несколько десятилетий Рим — уже империя. Но эту империю не следует воображать самодержавной монархией с всемогущим государем во главе. В Риме империя не отменила республику, а как бы дополнила ее. Имперские учреждения налегали на республиканские учреждения сверху, придавили, но не уничтожили их. Вот эту своеобразную картину и следует все время держать перед глазами, читая Светония.

Считалось, что римский император пользуется своей властью не по захвату и не по наследству, а просто в силу своего высокого морального авторитета — как «первый человек» в государстве (по-латыни — «принцепс»; поэтому раннюю римскую империю в учебниках часто называют «принципатом»). На самом деле кроме этого морального авторитета (весьма

сомнительного) император обладал верховным начальством над всеми войсками римского государства, и это было, конечно, гораздо важнее.

Император жил в центре Рима, на Палатинском холме. Дом его (понемногу достраивавшийся и перестраивавшийся преемниками) мало чем отличался от большого дома всякого римского вельможи. У него был свой круг «друзей», с которыми он при желании советовался о важных делах; была своя казна, независимая от общегосударственной; был свой штат управляющих, которые вели его хозяйство, принимали прошения, рассылали распоряжения, выполняли поручения (часто это были незнатные люди, даже вольноотпущенники, но в их руках была большая сила); и, наконец, ему принадлежала верховная власть над пограничными провинциями, где стояли войска, охранявшие римское государство.

Центром римского государства было Средиземноморье, а пограничными окраинами — на севере Рейн и Дунай, где приходилось воевать с германцами, а на востоке Евфрат, где приходилось воевать с парфянами. Императорские наместники и другие должностные лица в этих провинциях назывались прокураторами и префектами, командиры легионов — легатами. Легионов (при Августе) было 25, приблизительно по 6 тыс. человек каждый (не считая вспомогательных войск). Кроме того, в Риме стояло 10 тыс. человек преторианской гвардии под начальством «префекта претория» — как бы личная охрана императора. После удачных кампаний на границах в Риме справлялся триумф — торжественное шествие полководца и войска через весь город к храму Юпитера Капитолийского: везли добычу, вели пленников и т. д. Главным героем триумфа считался император, даже если он лично не участвовал в войне.

Управлять большой державой только с помощью такого лично подобранного штата было невозможно. Поэтому император опирался на государственный аппарат, оставленный ему республикой. Средоточием этого аппарата был сенат («совет старейшин») — около 600 человек; считалось, что это — потомки древнейших и знатнейших римских родов, но на практике он все время постепенно обновлялся и укреплялся «новыми людьми». Сенату принадлежал надзор за городом Римом, Италией и центральными провинциями государства; сенат распоряжался основной государственной казной; сенат издавал постановления и законы, сперва — по собственной инициативе, потом — все больше по указке императора.

Пополнялся сенат преимущественно отслужившими свой срок должностными лицами, обычно из сенаторских же сыновей. Таких служб в сенаторской карьере сменялось несколько, каждая длилась год. Молодой человек служил год в какой-нибудь комиссии по городскому судопроизводству и благочинию; через некоторое время становился одним из 20 квесторов, чиновников (в Риме или в провинции) по финансовым делам; еще через некоторое время — одним из 10 трибунов или 4 эдилов, которые ведали благоустройством города и развлечениями народа; затем — одним из 8 (или больше) преторов, занимавшихся преимущественно судебными делами; наконец — одним из двух консулов, которые по республиканской традиции считались высшими правителями государства на текущий год. (Чтобы больше народу успело пройти через эту высокую должность, при императорах стали назначать «сменных консулов» — вторую, а то и третью пару в год.) Пределом карьеры считалось звание одного из двух цензоров — они вели списки граждан и занимались пополнением и сокращением состава сената; это важное право имел пожиз-

ненно и сам император. Соответственно этой иерархии подавались голоса и на заседаниях сената: сперва опрашивались бывшие консулы, потом бывшие преторы и т. д. Отслужив свой год, консулы и преторы отправлялись наместниками в подведомственные сенату провинции в звании проконсулов и пропреторов.

Такова была гражданская карьера сенатора. Военная его карьера складывалась несколько по-иному. Простой солдат мог дослужиться лишь до высшего унтер-офицерского чина — центуриона (исключения — редкость); на этих старослужащих воинах держалась сила армии. Но молодой человек из хорошего дома мог, минуя солдатскую участь, начать службу прямо центурионом, а затем пройти три должности в легионе — начальство над конницей, начальство над вспомогательными войсками и начальство над легионом в целом. Эта последняя должность называлась «войсковой трибун»: их было шестеро в каждом легионе, при республике они командовали им по-сменному, при империи стали помощниками легата. Выслужившиеся таким образом принимались в сенат по прямой рекомендации императора и могли притязать на должности преторов и консулов, требовавшие военного опыта. Разумеется, таким же образом император мог рекомендовать в сенат кого угодно, и это с благоговением принималось.

Кроме гражданской и военной службы в политической жизни Рима играла роль жреческая служба: жрецы обеспечивали покровительство богов римскому государству и могли при необходимости ускорить или задержать какое-нибудь мероприятие, сославшись на небесные знамения. Жреческие должности тоже были выборные, но не на год, а (обычно) пожизненно. Верховная коллегия из 15 человек называлась понтификами (во главе с Великим понтификом); жрецы Юпитера,

Марса и Квирина назывались фламины; жрицы Весты, поддерживавшие неугасимый огонь в ее храме, — девы-весталки, обязанные хранить целомудрие в течение 30 лет; хранителями гадательных «сивиллиных книг», к которым государство обращалось в критические моменты, были квиндецемвиры («15 мужей»); гадателями по полету птиц — авгуры; гадателями по внутренностям жертвенных животных — гаруспики.

Организованный таким образом и сам себя пополняющий сенат образовывал высшее сословие римского общества — сенатское сословие. Для поддержания сенаторского достоинства сенатор должен был обладать большим состоянием (миллион сестерциев); обедневшим потомкам старых родов иногда помогал деньгами сам император.

Вторым, средним сословием римского общества были так называемые всадники (название это сохранилось с тех древнейших времен, когда член этого сословия должен был иметь средства содержать боевого коня); их имущественный ценз равнялся 400 тыс. сестерциев. Доходы сенаторов шли преимущественно от их земельных владений (заниматься торговлей им было официально запрещено), доходы всадников — от торговых операций, в частности — от откупов. По мере того как разрастался штат императорской службы, она все чаще черпала кадры именно из всадников. Так как сенаторам было запрещено покидать Италию иначе чем по служебным делам, то в провинциях всадники были самыми важными людьми.

Наконец, третьим и низшим сословием римского общества оставался народ — крестьяне, ремесленники, городская чернь. Многие из них, будучи неимущими, составляли как бы свиту сенаторов и богачей и кормились их подачками, — они назывались «клиентами» своих патронов. Жители Рима и его окрестностей периодически собирались на народные собрания